

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дима Сандманн

МАНИПУЛЯТОР

*роман в ста главах
и трех частях*

Дима Сандманн
Манипулятор. Глава 061

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28063387

SelfPub; 2022

Аннотация

"Манипулятор" – роман в ста главах и трех частях. Это книга о стремлениях, мечтах, желаниях, поиске себя в жизни.

Содержит нецензурную брань.

Дима Сандманн

Манипулятор. Глава 061

ГЛАВА 61

Осень началась с понедельника и кризиса. Это слово зазвучало на каждом углу, в каждой газете и в каждом телевизоре. Смотря по «ящику» всегда лишь новости, я быстро устал от хлынувших оттуда биржевых сводок и экономических цифр. Медийная истерия медленно, но верно, росла. В глазах «офисного планктона» замелькал неподдельный ужас – сладкая жизнь среднестатистического менеджера вдруг остановилась, застряла как его кредитный автомобиль в городской пробке из себе подобных. Я поймал себя на мысли, что происходящее в телевизоре никак, в общем-то, меня и не касается. Бизнес наш жил в прежнем ритме. Я понимал, что у экономики страны есть инерция и до конца года кризис вряд ли как-то ощутимо проявится в реальности. Но кругом все вдруг стали нервными. В один из дней мы втроем загружали «газель». Я и отец носили коробки из склада в машину, Сергей укладывал их внутри будки. Клал он коробки как попало, но более-менее ровно. Я не обратил бы на это внимания, если бы не педантичность отца. В какой-то момент тот не выдержал и раздраженно крикнул:

– Дай я! Вылезай! Сереж, вылезай! Я сам все переложу и

уюложу как надо!

Бесцеремонно прогнав Сергея, отец прыгнул в будку и принялся с приглушенными ругательствами переключать начальные ряды, придавая им почти идеальную строгость. За несдержанность отца стало стыдно, и я снова ощутил сгусток напряжения между ним и Сергеем. Даже на миг показалось, что Сергей отреагирует и наговорит в ответ грубостей. Но не случилось. С затаенной во взгляде обидой Сергей молча принялся носить коробки.

– Роман, а че если нам, например, начать возить цемент из Китая!? Сейчас цемент как раз подешевел там в два раза! – произнес вдруг Сергей посреди недели.

Мы только разгрузили Алексея Семеновича, его «газон» уехал и тархтел уже где-то за забором на кривой дороге, и Сергей задал вопрос, едва мы помыли руки и вышли из склада перевести дух. Осмыслив сказанное и поняв пустоту слов Сергея, я тут же вскипел сарказмом. Про цемент тот ляпнул от балды, лишь бы отметить себя со своим предложением для нашей фирмы. И, обозлившись, я решил разбить почин Сергея, тем самым дав понять ему, что халтура снова не прокатит.

– Цемент!? Из Китая!??? – удивленно уставился я на Сергея, зная, что тот не любит думать, и решив вопросами вынудить его самого привести свою идею в логический тупик. – И как ты себе это представляешь??

– Ну, как... вагонами, берешь, и возишь! – выкатил вперед грудь Сергей, всем своим видом показывая, сколь удивлен столь глупому вопросу.

– Это понятно, что вагонами! Но для этого нужен склад с железнодорожной веткой к нему, чтоб вагон прям туда подгонять и выгружать!

– Да зачем склад!?! Сразу отгружать цемент клиентам с колес, да и все!

– Как это – сразу!?!

– Ну как-как, Роман! Вагон пришел, клиентов обзвонил, заказал машины и развез им цемент, да и все!

– А ты уверен, что твой вагон вот так с колес весь и заберут? А если кто откажется?

– Как это – откажется!?! – вытаращился на меня Сергей и в его взгляде мелькнула неуверенность. – Мы же подпишем договор, все как положено! Они нам сделают заказ!

– Ну... договор подпишем, заказ нам сделают. Вот приходит вагон цемента, а в нем, допустим, заказ для двух клиентов... И один забирает свой заказ, а второй говорит – Извините, но нам пока не надо! Твои действия!?

Я упер внимательный взгляд в глаза Сергея, тот замялся.

– Твои действия, Серый!?! – нажал я повторно, держа напарника взглядом.

– Ну... – начал растерянно тот, и я понял, что вразумительного ответа не будет. Все, как обычно – на очередной посиделки в бане Сергей услышал кем-то брошенную мысль и,

не обдумывая ее, выдал мне как свою, зная, что я ее проанализирую и сообщу решение – годится предложение или нет! Такой трюк он выкидывал постоянно, просто я не сразу его раскусил. А поняв натуру Сергея сообразил – из-за нехватки глубоких знаний у того почти напрочь отсутствовало и стратегическое мышление – и я вспомнил его слова о женщинах, что бабы вообще тупые и не могут просчитать события дальше, чем на день-два вперед. Я ухмыльнулся, понимая, что сам-то он не далеко ушел от своего же определения.

– Вот и весь расклад, Серый! – развел я руками. – Тебе придется искать склад, из вагона в него выгружать цемент, а это – дополнительные расходы! А потом он слежится, да, не дай Бог, наберет еще и влагу в себя, и все – цемент пропал! Чистый убыток!

Стоя с кислым выражением лица, Сергей бросал на меня внимательно-обиженные взгляды и молчал. Сказать ему было нечего, а нам надо было ехать.

– Ладно, поехали, Серый! – кивнул я на «мазду» и сел на свое место, тот все так же молча сел за руль, и мы покатали к проходной. Желая привести разговор к нейтральному знаменателю, я добавил уже спокойно:

– Слишком много рисков в этой идее, Серый... Всеми этими договорáми, если надо, вытрут жопу... Захотят, например, сбить цену – скажут, что товар пока не нужен, а у тебя вагон стоит уже пригнанный, помурыжат тебя какое-то время, предложат цену ниже – ты откажешься и выгрузишь це-

мент в склад, они подождут и снова предложат цену ниже... и в конце концов, ты согласишься и отдашь товар в полцены, лишь бы избавиться от него...

Уже вечером дома проходя мимо телевизора, я остановился и стал смотреть идущую аналитическую передачу. Разговор шел об экономике. Двое экспертов-снобов в пиджаках сидели напротив ведущего и вещали о причинах падения фондового рынка, выдавали свои прогнозы и, вообще, говорили много и с удовольствием. Тот им поддакивал и важно кивал головой. Весь экран пестрел цифрами, индексами, графиками и диаграммами. Я глянул на «бегущую строку» внизу экрана и наткнулся взглядом на слово. «Волатильность» – считал я, и слово убежало влево. Тут же вспомнился рассказ Сергея о «волантильности» ценных бумаг. Очередное подтверждение неглубокости его знаний отпечаталось в моей голове. Я отчего-то представил напарника сидящим перед телевизором и жадно всматривающимся в бегущую строку с биржевыми индексами ценных бумаг.

Второй нервный срыв у Веры случился в пятницу 5 сентября. Она и Сергей еще с момента приезда на работу вели себя нервно и раздраженно. Я не обратил на факт особого внимания, но когда после работы мы ехали втроем по узкой улице мимо «Родного края», там все и случилось. Движение по улице шло трудно, машины выстроились в два плотных ряда, по одному в каждую сторону, и продвигались вперед рывками. Гарь, шум – все это агрессивно летело в са-

лон «мазды» сквозь приоткрытые стекла передних дверей. Радовало хоть то, что удушливая жара уже спала, и дни стояли комфортно теплые. Я сменил шорты на светло-голубые джинсы, Сергей – на темно-синие спортивные штаны. Вера была одета в темно-синие болоньевые спортивные штаны и кроссовки. Все трое были в футболках. Я сидел сзади. Ехали молча. Перебранка началась с мелочи. Сергей бросил короткую фразу жене, та такую же ему. Снова Сергей фразу, Вера – в ответ. И с каждой фразой градус меж ними накалялся. И вдруг, то, что сидело глубоко, вырвалось наружу грубой бранью.

– Да!! Вот так и будет!! – заорал Сергей. – Я сказал, значит, так и будет!! Поняла!!!?

– Да!!!? – в ответ, как смогла, выкрикнула Вера. – Да что ты!!!?

– И рот свой откроешь, когда я тебе разрешу!!!? – заорал Сергей, подавшись к Вере лицом и едва не брызжа на нее слюной с трясущихся от гнева губ. – Ты меня поняла!!!?

– Ды что ты!?! – парировала Вера, но сама подалась назад и вжалась спиной в дверь, лицо ее зарделось румянцем, глаза светились гневом и сарказмом, совершенно без страха. Я же, застигнутый врасплох семейной ссорой, лишь замер. Улица забилась машинами до отказа, оба потока еле двигались. Кругом всё нещадно сигналило и рычало двигателями. Сергей заорал еще громче, Вера ответила, что было сил. Снова Сергей. Вера не ответила, осталась сидеть вжатая в дверь и

раздавленная морально. Вдруг резким движением она распахнула дверь, выскочила на ходу и ринулась перед капотом «мазды» поперек улицы. Я буквально раскрыл рот. Прощедив «блять», Сергей выскочил следом, догнал жену точно посреди проезжей части, схватил за руку выше локтя и рванул на себя. Вера дернулась как тряпичная кукла и послушно развернулась. Сергей провел ее до капота и пхнул в сторону покинутого места. Вера спокойно обогнула машину и, едва заметно недобро ухмыляясь, села в «мазду». Сергей вернулся за руль. Сзади сигналили. Поток ушел вперед метров на десять, мы задерживали движение. Сергей воткнул первую, мы поехали. В салоне стояла мертвецкая тишь. Будто даже шум улицы стал слабее. Я ошалело поглядывал то на Веру, то на Сергея, то еще куда-нибудь, лишь бы куда-то самому деться хотя бы взглядом. Как первый срыв Веры оказался для меня шоком и неожиданностью, так и второй. очередной негатив семейных отношений Лобовых вырвался демоном наружу, покружился яростным вихрем перед моими глазами и нырнул с той самой нехорошей ухмылкой обратно в обоих супругов. Меня стало мелко трясти. До центра оставалось минут пятнадцать такой рваной езды. Дотерпев их в гнетущей тишине, я торопливо распрощался и выскочил из «мазды» как ужаленный и тут же ощутил, как сгусток черной энергии укатил в ее салоне прочь.

Очередная суббота, авторынок. Дни стали чуть короче,

рассветы свежее. В 06:45 я уже был на остановке. Немного сонный, я стоял в лучах солнца и грелся. Через пятнадцать минут я вышел из маршрутки на авторынке и пошел на площадку, «ниссан» уже был там. Все обычно – Сергей дремал внутри, едва я сел в салон, он разлепил глаза и начал тереть лицо. Кругом все те же люди, те же автомобили. Кризис начал сказываться на авторынке, покупатели будто замерли, и продажи машин замедлились. Сергей налил чай из термоса, предложил мне, я отказался и купил стакан чая и сосиску в тесте у ближайшей тетки. Чай пили в машине почти молча, фоном тихо работало радио. Закончив с чаем, мы принялись за разговор ни о чем и обо всем, убивая пустые часы до девяти. Говорили об искусстве.

– А так всегда бывает, – сказал я, полулежа в сидении со скрещенными от прохлады на груди руками, глядя на полусонную суету на улице. – Творчество дело такое, Серый... Иногда ночью что-нибудь в мозги шибанет, вскакивает и записывает сразу свое озарение, какой-нибудь писатель или музыкант... Не, трудовое усилие тоже важно – каждый день работать над той же книгой или картиной... Но самое главное все же, по-моему, это вот такое озарение... А без него никак... Не будешь же из пальца высасывать тот же фильм или книгу, херня выйдет полная. Ты же сам фильмы смотришь и видишь – о, этот интересный! А этот – за уши притянут, все надуманно и неинтересно... сидишь, смотришь и думаешь, когда это говно закончится!

– Ну да... – буркнул Сергей. От него все так же неприятно несло сонным телом.

– Поэтому, когда читаешь биографии или воспоминания разных творческих людей, то такое в норме вещей – вскочить посреди ночи и что-то начать записывать, пока этот самый космический канал не закрылся...

– А мне тоже часто такое вот разное снится... – робко признался Сергей.

– Да всем снится, Серый... – кивнул я. – И мне снится... Ну, может не прям всем, но многим... А ты записывай, раз снится... Глядишь, что дельное и сотворишь...

Тот пару секунд помолчал, вздохнул тяжело:

– Да это трудно... Ну и что? Вот мне приснится снова, я встану, запишу и что?

– Ну как – что? Обдумаешь это, если стоящее, то... – загнулся, поняв, в чем была суть вопроса, и переключился на нее. – Не, ну это понятно... Этим надо жить! Так, между делом этим не получится заниматься...

– Ну вот, видишь... – грустно произнес Сергей. – Это хорошо заниматься таким, как ты – ни семьи, ни жены, ни детей! Сиди ночами один сколько хочешь, на работу сходил и сиди, выдумывай, монтируй свои фильмы, какие ты там монтируешь...

– Да ну, Серый! – возразил я. – А как это семья мешает? Это все ерунда... Почитай биографии известных людей, там никакой взаимосвязи... Кто-то был один, кто-то женат... Ес-

ли жена нормальная, так это только в плюс. А у тебя Вера – такая... такую еще поискать надо! Я тебе вот честно говорю, как есть – я много всяких баб видел, с какими встречался, с какими так... и таких, как Вера – мало!

Сергей чуть поморщился, будто услышал ненужное, или желая возразить.

– Не, я тебе серьезно говорю! Ты зря кривишься! – сменил я позу, сев прямее. – Я за все время, таких девок, как твоя Вера, от силы двух или трех встречал! Все остальные ни о чем, балласт... А Вера она как раз из тех, знаешь, про которых выражение – если мужчина будет отстреливаться, то она будет молча стоять рядом и подавать патроны! У Веры есть самое важное качество – надежность...

Я хвалил жену Сергея, а сам ясно видел, что слова мои ему не к душе. Тот слушал, едва уловимо морщился, кривился. И отговорки, какие приводил Сергей, я тоже много раз слышал – когда говоришь человеку, что можно и нужно заниматься чем-то действительно важным и серьезным, но, конечно, будут трудности, а собеседник приводит массу доводов против, то есть он хотел бы заняться чем-то серьезным, но стечение обстоятельств не дает ему начать действовать. Так люди облачают в удобную форму свою лень и трусость перед большим и значимым. Большинству из нас не хочется напрягаться, хочется получить все с минимумом усилий, да чтоб повезло, а лучше без усилий и сразу повезло. Потому билеты лотерейные будут продолжать покупать до само-

го Конца Света. Смирившись с немощью Сергея, разговора ради и размышления я привел пример.

– У Стругацких есть хорошая книжка... – сказал я, смотря через лобовое стекло на жулика Витю, крутящегося со стаканом кофе около очередной своей машины на продажу. – «За миллиард лет до конца света» называется... Читал?

– Не, не читал! – поспешно ответил Сергей, шмыгнув носом, будто обрадовавшись, что я наконец-то сменил неудобную тему.

– Классная книжка, почитай... Там сюжет простой и действие развивается в одной кухне на трех табуретках! Я точно не помню, но суть в том, что трое знакомых обсуждали работу, какую надо было закончить... важную какую-то научную работу, но продолжение ее было связано с риском для жизни... Так вот, двое спасовали и отказались, а третий взял работу, сказал, что закончит ее и ушел к себе... он там жил несколькими этажами выше, и больше его не видели...

Сергей молчал. Поняв, что посыл книги ему не ясен, я стал объяснять.

– Смысл-то простой... – сказал я, наблюдая за вороватым взглядом Вити, рыщущим по площадке. – Эта работа и была тем самым смыслом жизни, тем важным, на что каждый должен решиться в своей жизни, и те двое не решились, трусили... А третий не трусил...

Сергей молчал, я тему не сменил, а ему она была неудобна.

– А Витя – ловкий малый, да!?! – повернул я голову к напарнику. – Сколько он уже машин продал на наших глазах... две или три!?

– Ды я уж не помню... – словно из забытья произнес Сергей. – Красный «лачетти» и «пежо» синий... две, значит...

– Так «пежо» он два синих продал! Два одинаковых же были!?

– Да? – буркнул Сергей, его мысли где-то бродили. – Значит, три всего продал...

Мы разъехались с авторынка в час. Дома я пообедал и позвонил Вовке.

– Рамзес, блять, здорова, хороняка!!! – заорал тот. – Да, я дома, приезжай, давай!!! Лера тут вот меня в бок тычет, соскучилась по тебе!!! Че-нибудь к чаю купи по дороге!!

В три с тортом я был у друга. «У них уютно», – подумал я, поняв, что, считаю давно и бесповоротно Леру и Вовку одним целым. Вовка встретил меня у порога босым в одних шортах, с размаху звонко вложил свою ладонь в мою, крепко пожал и засмеялся своим прерывистым смехом. Леры дома не было, гуляла с ребенком на улице.

– Ды ща уже скоро придет! – рявкнул Вовка, поставит на плиту чайник. – Ну, блять, рассказывай давай, че и как у тебя там дела!?! Сто лет уже не виделись, ёпта!!

Настроение мое улучшилось вмиг. Я улыбнулся и понял, что соскучился по такому простому общению без подводных камней, полутонов и хитрых тяжб. Вовка, прямой как лом в

своим характере, мне импонировал в разы больше, чем ежедневно мимикрирующий Сергей. Я коротко поведал о событиях последнего времени. Вовка начал делиться своими приключениями. Работая в электрической компании, днями напролет он только и думал о том, как бы увести часть прибыли от оптовых операций в свой карман.

– Блять, Рамзес, я полгода думал, как, блять, спиздить у них деньги, нахуй!! – вопил он, сидя напротив на стуле в тесной шестиметровой кухне и почесывая пузо. Я улыбнулся – в этом весь Вовка! Передо мною сидел неунывающий, хоть и недавно женатый, но уже глубоко семейный человек. Я был рад за друга.

– И че, придумал? – подзадорил я его.

– Блять, придумал, Рамзес!! Вычислил схему, все продумал, блять!! – глаза Вовки разгорелись азартным огнем. – Все заработало как надо!! Я там документы так грамотно подменял, что деньги оседали вообще в левом месте, и я там был вообще не при делах!! И все законно, хуй подкопаешься, главное!!

– Ну, и дальше что? – улыбался я, попивая чай с тортом.

– Да че дальше, блять!! – все вопил Вовка, отправляя чайной ложкой кусок торта в рот, смачно чавкая, продолжая с полным ртом. – Какой-то мудака в другом филиале, блять, сообразил, что по этим накладным кто-то пиздит деньги из конторы!! И сам решил так спиздить и попался! Хы-хы-хы!

Наконец, он устал от своих воплей, схватил ртом воздух

и понизив тон, добавил:

– Ну, то есть, схему не до конца понял! Тупой же, блять, менеджер! Ума не хватило до конца все понять, а денег захотелось!

– Как тебе? – поддел я.

– Хы-хы, как мне, да! И его хватают за жабры! Собственное эсбэ! И давай ему яйца крутить – кто придумал схему!?! А он мычит – не знаю, я сам увидел накладные! Короче, блять, он показал накладные, те давай по ним рыть обратно, схему раскрыли, поняли, что деньги кто-то пиздит в главном офисе, а кто – найти не могут, не понятно! Концов нет!

Вовка рассказывал и весь светился изнутри. Я сам посмеивался, мне нравилась его решительность. Но, лучше бы Вовку не заносило в такие криминальные мысли и дела.

– Ну, а ты-то че тогда ушел из фирмы? – удивился я. – Затихарился бы на время...

– Ды, блять... – замылся Вовка, принялся тереть глаз, заскреб в затылке. – Да они, пидорасы, поняли, что это я, но улик нет никаких! Ну и они так намекнули мне, что лучше уволиться. Че-то там пытаются, ментов вызвали, какое-то расследование стали проводить. Кароче, не знаю! Посмотрим!

Вроде как угомонившись, он тут же вновь вспыхнул глазами и замахал руками.

– Но они, блять, ахуели, когда поооняли, как у них пиздят деньги!! Блять, у них, Рамзес, такие ебальники были!! Ты бы

видел! – выплеснул остатки эмоций Вовка и затих.

– Ну ты хоть че-нить успел спиздить-то? – засмеялся я внутренним смешком.

– Ды так! – почесал по верх шорт у себя меж ног Вовка. – На двоих с одним чуваком успели триста тыщ тока спиздить! Блять, сука, обидно – мы через неделю уже собирались миллион спиздить на кабеле!

Я приподнял бровь, покачал удивленно головой.

– Блять, Рамзес, да ты знаешь, сколько кабель стоит!? Знаешь, какие у них обороты на кабеле!? – вытаращился на меня Вовка, поднял указательный палец вверх. – Семьдесят пять миллионов в месяц они продают его! В месяц! Там миллион спиздить – нехуй делать!

Я пробыл у Вовки с час и, не застав Леру, ушел. Погода стояла шикарная, суббота, вечер, торопиться было некуда, я пробрел три остановки и зашел в торговый центр. Бродя по первому этажу, я машинально зашел в салон сотовой связи и увидел Наташу. Та стояла и общалась с покупателем, заметив меня, подошла.

– Привет, – сказал я, удивившись встрече. – А ты здесь работаешь что ли!?

– Привет, да, перевелась на эту точку месяц назад, – сказала Наташа, и во взгляде ее проскочила некоторая неловкость. Я чувствовал себя так же. Мы повели разговор о чем-то нейтральном, и неловкость обоих быстро ушла. Я поймал себя на мысли, что отношусь к девушке по-приятельски и

не испытываю негатива. Наташа отвечала тем же и все так же была стройна и грациозна. Шпилька, джинсы, футболка, собранные в хвост белоснежные волосы. Мы распрощались минут через пять, я вышел на улицу, сел в маршрутку и поехал домой. Это была наша последняя встреча с Наташей.

Уже через входную дверь родительской квартиры я услышал их очередную ругань. Не было уже никаких сил терпеть этот бесконечный ад. Поужинав, я собрался идти в свою квартиру – класть в кухне половую плитку. Раньше я этого не делал и решил научиться. В свое время в нашей квартире отец все сделал своими руками. И потому, я хотел, чтобы он побыл рядом и помог лишь советом.

– Ну че, может пойдем щас плитку класть? – произнес я.

– Этому надо плитку класть! – не отойдя от ссоры с матерью сразу распалился отец и сорвал злость на мне. – Той вообще непонятно что надо! Целыми днями только и делает, что мотает нервы!! Надо класть плитку – иди и клади!! Учись, в конце концов!! У меня в твои годы уже семья и ребенок были!!

Отец всегда был жесток в своих редких эмоциональных заявлениях. Его фраза меня задела, я молча оделся и пошел в свою квартиру. И по пути думал о том, что отношения в нашей семье вновь стали невыносимые. Мать и отец бродили в круге взаимной ненависти и не решались его разорвать, вероятно, даже испытывая от дрызг непонятное мне взаимное удовольствие. «Осталось положить пол, вставить двери

и можно переезжать... без мебели, насрать, буду спать на голом полу, лишь бы этого не слышать, иначе с ума можно сойти», – подумал я, вдыхая хвойный воздух на лесной тропинке, и понемногу успокаиваясь.

В квартире я переоделся, подготовил раствор, взял в руки первую плитку – в дверь постучали. Открыл – отец. Он всегда был таким – скажет гадость и никогда не извинится, гордый, просто молча примется отрабатывать свою несдержанность. Так и в этот раз – он вошел с виноватым взглядом и начал суетиться. Мне стало неприятно, честнее было бы со стороны отца все же извиниться, у меня упал бы камень с души. А то так он остался, и мне пришлось переступить через него, как отцу через свою гордость. Оба, почти молча, начали возиться с плиткой.

– Дай! – рявкнул отец, выхватил у меня из рук квадрат плитки, торопливо намазал его раствором и положил на пол в угол. Вышло кривовато. Отец так же неловко положил второй квадрат плитки, прижав его к первому. Третья и четвертая плитки легли к первым двум, образовав квадрат. Плитки лежали друг к другу плотно и оттого некрасиво.

Я сказал, что так неправильно.

– А как правильно!? – нервно и раздраженно отреагировал отец.

– Надо, чтоб расстояние было, вот же есть специально для этого крестики... – сказал я и указал на пакет пластиковых плиточных разделителей.

– Ну так надо было раньше сказать! – нервно выпалил отец, выхватил пакет из моих рук, стал его разглядывать. Я умолк, настроение испортилось. Отец попытался раздвинуть плитки, вышло плохо, те уже схватились. Отец стал торопливо пихать «крестики» в щели.

– Криво как-то... – не выдержал я.

– Ну и клади тогда сам! – психанул отец, вскочил.

– Ну и положу... – буркнул я. – Я и так уже начал класть...

Ты же сам пришел...

– Ну тебе же помощь нужна!? – вытаращился на меня отец. – «Сам пришел»! Этому – сам пришел! Той – сам приехал, сам на ней женился! Всем – сам! Хорошо устроились!

Отец заметался было по комнате, немного остыл, но смотрел на меня по-прежнему зло, лицо его заострилось, желваки играли.

– Ладно! Трудись, давай... «сам»! – выдохнул он и ушел, сильно хлопнув дверью.

Отец повел себя типично. Я все силился его понять. С одной стороны – отец был обязательным человеком, особенно по отношению к своим, к семье. С другой стороны – обязательность его будто самого тяготила. И выходила его помощь какой-то безрадостной что ли, как через силу, будто он себя так заставлял не потому, что хотел помочь искренне, а потому, что надо было. У отца было две стороны – сухость, жесткость, доходящая порой до бессердечия и гипертрофированное чувство долга, обязательства. Будто жизнь над ним

так подшутила, и отец мучался и метался меж полюсами. И выходило все безрадостно, без желания, по нужде у него. И жилось отцу так же.

За окнами быстро темнело, я успел положить два ряда и засобирался домой. «Надо еще поспать и с утра на авторынок», – подумал я и уставился на злополучные положенные отцом четыре плитки. «Коряво как-то и уже не исправишь, ладно» – скривился я, понимая, что возможно и не надо было звать отца в помощь вовсе.

Воскресенье. Авторынок. Мы привычно сначала подремали с Сергеем в «ниссане», а после продолжили наши неспешные утренние разговоры обо всем.

В девять рынок ожил.

– А как я у тебя в телефоне забит? – вдруг спросил Сергей, когда мы в очередной раз забрались в салон «ниссана» посидеть в относительной тиши.

Я глянул на него удивленно.

– Ну ты вот у меня забит как «Ромыч»! – пояснил Сергей и показал мне адресную книгу своего телефона. Действительно, я увидел слово «Ромыч» и рядом свой номер.

– «Лобов Сергей» ты у меня забит, – сказал я и показал экран своего мобильного, уловив на лице Сергея едва заметное разочарование. Диалог замер и продолжился через минуту уже на другую тему. Спустя некоторое время я вновь пошел гулять меж рядами, думая над вопросом Сергея. Интуиция говорила мне, что многие вопросы его явно не из

праздного любопытства. Ответы мои Сергей тщательно обдумывал и делал выводы. Я все чаще анализировал его вопросы. Например, этот последний. Как я понял, Сергея обидело то, что он был записан у меня официально, без эмоциональной окраски. «Ромыч» – вроде как «свой в доску», близкий. А «Лобов Сергей» – звучало сухо, как «один из многих». И он обиделся на такое? Смешно. Подобным нюансам я значения не придавал. На самом деле буквы ведь не показывают реального отношения. Вопрос показался мне странным.

«Ниссан» не продавался – за весь день ни одного заинтересованного покупателя. Я и Сергей, то слонялись по рынку вместе или порознь, то перекусывали у киоска, то сидели в машине. Изредка Сергей общался с Витей, я держался в стороне – этот прожженный тип был мне неприятен. В два мы разъехались. Перед самым расставанием Сергей предложил со следующей недели начать развозить товар не вдвоем, а по одному, по очереди.

– Не, загружать будем вдвоем, как и щас, просто возить товар будет один, а второй освобождается, – пояснил Сергей. – Опять же, может поехать в офис, поработать.

Понимая, что фраза о работе в офисе – пустое, работы с каждым днем становилось все меньше, Сергею просто хотелось меньше трудиться, я согласился.

– Ну а как мы чередоваться будем? – сощурился тут же он, цепко глядя на меня. – Через день или как?

– Я думаю, лучше по неделям, Серый! – пожал я плечами. – Неделю – ты, неделю – я. У нас же примерно одинаково, по три-четыре рейса выходит в неделю...

– Ну да, по неделям нормально, – кивнул тот.

Воскресным вечером я снова клал в своей квартире плитку. Получалось уже ловко.

В понедельник 8 сентября случился важный звонок на мой мобильный. Девушка приятным голосом сообщила, что застройщик планирует сдать дом с нашими квартирами на год раньше, то есть в декабре текущего 2008 года.

– Вам необходимо внести суммы за непогашенные метры до конца строительства! Если у вас возникнут какие-то вопросы, можете подъехать в наш офис! – закончила она.

– Нормально так... – произнес я, посмотрел озадаченно на Сергея и сообщил ему новость. Мы сидели в офисе втроем. Сергей механически пожевал губу с застывшим на мне взглядом. Глаза Веры забегали меж нами.

– Ну, и че делать будем? – наконец произнес Сергей.

– Че делать... оплачивать метры! – улыбнулся я и развел руками, глядя на Сергея – я знал, о чем он думал, мне были интересны его мысли и реакция.

– Ну, а мы не сможем в принципе выкупить квартиры до конца года! – произнес он.

– Не сможем... – кивнул я и продолжил наблюдать за растерянным взглядом Сергея.

– Ну, и че делать будем? – буркнул тот, скрестив руки на груди.

– Давай подумаем какие варианты у нас есть? – сказал я, желая услышать от Сергея предложения, но привычно не рассчитывая на многое. И чуда не случилось.

– Ну, я не знаю... – развел он руками. – Придется, наверное, отказываться от одной квартиры, забирать деньги и вкладывать в другую, тогда мы сможем выкупить хоть одну...

– Тогда мы потеряем на разнице в стоимости метра...

– Ну а че ты предлагаешь? – озадачился Сергей. – Я других вариантов не вижу... Что, отказаться совсем от квартир что ли!?

Вера тревожно глянула на меня.

– Да не, отказываться не надо, одну то квартиру мы вытянем... И я думаю, лучше бóльшую выкупать, двушку – сказал я. – Я предлагаю не отказываться от однушки, а ее оплаченные метры перезачесть в двушку... Мы же их оплатили... А оставшуюся разницу, там получится чуть-чуть, мы сможем выкупить, донесем деньги и все...

– Ну... – задумался Сергей. – А так разве можно?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Надо съездить туда, предложить им такой вариант. Так хоть деньги не потеряем, по тыще с метра – двадцать пять тысяч – тоже деньги...

– Да не, деньги канешна! – среагировал тут же Сергей, горячо закивал.

– Другого варианта я не вижу... – развел я руками. – Если ты видишь, скажи!

– Да не! – тут же отозвался Сергей, усердно жуя губу и дрыгая обеими коленками. – Вариант нормальный! Надо только с этой твоей знакомой теткой поговорить...

– Ну, я могу заехать после работы как-нибудь на неделе... поговорить с ней...

– Да, Ромыч! Съездей! – закивал тут же Сергей и, кажется, облегченно расслабился.

Следующим утром, загрузив «газель», мы довезли Сергея до «Интерната», там его высадили и дальше покатали с отцом вдвоем. В кабине сразу стало просторно, а морально – легче. И мы тут же с отцом возобновили наши с разговоры обо всем. Диалог зашел о матери. Я сказал, что не понимаю их отношений, что они только друг другу портят жизнь, мучают друг друга, а чего ради, непонятно.

– Ну, договоритесь как-то между собой, па... – сказал я, пока мы ехали по забитым дорогам города к первому клиенту. – Вы ж взрослые люди... Или живите нормально, или... я не знаю, разойдитесь что ли. Просто так жить – это не нормально! Постоянная ругань. У меня уже, если честно, крыша едет... И я понимаю, что мне еще потерпеть пару месяцев – я перееду в свою квартиру и мне будет уже до лампочки, как вы там живете... вроде бы...

– Что ты, мать не знаешь, что ли? – произнес отец, потянулся за сигаретой, закурил. – Как ты с ней договоришься?

Она же – бешеная...

– Ну да... что-то ее последнее время снова клинит... – кивнул я и вздохнул тяжело. – Она вроде последнее время нормальная стала, на работу пошла, а сейчас снова...

– Так она ж ушла с работы! – выдал отец.

– Даа!?? – удивленно уставился я на него. – Когда это!?

– На прошлой неделе. Да она опять там с кем-то поцапалась! Ты что, ее не знаешь!? Мать хлебом не корми – дай поскандалить! Сколько этих скандалов на моей памяти было. На каждой работе работает какое-то время, а потом с кем-нибудь цапается. И тут тоже...

– А с кем она там поругалась? – продолжал недоумевать я.

– Да с какой-то своей начальницей, та высказала матери по работе замечание, а ей не понравилось, мать эту руководительницу и послала...

– Ааа... – кивнул я. – Теперь понятно, чего она снова такая злая...

Мы развезли товар и вернулись домой. Поужинали. Я собирался в свою квартиру. Узнав, что отец не идет со мной, мать напросилась сама. Я согласился, мне было искренне ее жаль, с матерью что-то происходило, а что – я не понимал. И ум не помогал, я пытался осознать ситуацию интуитивно. Главное – я видел, матери нужно к кому-то прислониться, требуется помощь. Она взяла меня под руку, и мы неспешно тронулись в путь. Миновали шум улицы, тишину хвойного леса и оказались в пустой и гулкой квартире. Пододвинув

матери вместо стула ведро из-под краски, я сел на такое же сам и начал готовить раствор. Прежде чем сесть, мать в который раз обошла квартиру.

– Ой, сынок! – Обняла она меня, поцеловала в щеку. – Ты не представляешь, как я за тебя рада! Какой ты все-таки молодец, сам купил квартиру! Как у тебя здесь хорошо!

– Ну, не совсем сам, ма... – сказал я, восстанавливая правду. – Тут же и отцовские деньги есть, так что ему надо будет отдать его часть...

– Ой, да отдашь! – отмахнулась мать. – Сколько ты ему должен?

– Ну, его денег в начале тут было триста тысяч, но мы с ним считаем не в деньгах, а в метрах. Там вышло двадцать с чем-то метров, сейчас осталось около пятнадцати... Я за часть метров уже отдал ему...

– Ой, хватит! – обозлилась мать, отмахнулась резко. – Вот сколько там должен был, триста, столько отдай и все, не выдумывай эти пересчеты! Перебьется он, куркуль чертов! Он такой жлоб, за каждую копейку удавится! Тоже мне – бизнесмен! Лишь только языком говорить горазд! Лежит, вон, на диване целыми днями, книжки почитывает!

Я клал плитку, мать сидела рядом и наблюдала за моей работой.

– Ну почему – целыми днями? – заступился я за отца. – Он же работает почти каждый день, нам товар возит, еще одной фирме тоже развозит... Ты уж зря так на него...

– Ой, че он там возит!?! – скривилась мать. – Это хорошо, вы ему даете, что возить... а так, ну ездил бы раз-два в неделю, возил бы тем! А остальное время лежал бы на диване!

Мать долбила своими словами в то место моего сознания, где как раз были собраны сомнения и вопросы по отцу. И этим лишь обнажала их. И оттого мои попытки защитить отца выходили вялыми. В словах матери ощущался привкус правды. За час я положил два ряда плитки, оставалось три. Мы собрались и пошли домой.